

ПРОТОИЕРЕЙ НИКОЛАЙ ВЕДЕРНИКОВ

Воспоминания о встречах с Патриархами Сергием и Алексием

Опубликовано в альманахе “Альфа и Омега”, № 33, 2002

С 1938 года я учился в Центральной музыкальной школе при Московской консерватории по классу скрипки. В то же самое время я приходил молиться по воскресным дням и в большие церковные праздники в храм святого Илии Пророка, что в Обыденском переулке, где время от времени исповедовался у отца Александра Толгского — настоятеля этого храма.

Положение духовенства в то время было крайне тяжелым. Действующих храмов было очень мало. Большинство храмов было осквернено и разрушено, а духовенство репрессировано.

Епархиальные архиереи собирались в Москве для решения своей участи и служили в разных храмах Москвы.

Когда началась Великая Отечественная война, отношение властей к Церкви изменилось к лучшему, и из тюрем и ссылок стало возвращаться духовенство.

В то время в храме святого Илии Обыденского служил Калужский епископ Питирим (Свиридов), в будущем — митрополит Крутицкий и Коломенский. Однажды я стоял в храме и молился незадолго до начала Литургии. Готовилась встреча епископа. Старший иподьякон заметил меня в толпе молящихся и пригласил впервые в моей жизни быть жезлоносцем, то есть держать архиерейский жезл во время службы. Мне было тогда 13 лет.

Через некоторое время друг моего отца, Анатолия Васильевича Ведерникова, бывшего тогда преподавателем русского языка в разных учреждениях Москвы, Алексей Иванович Георгиевский — будущий профессор Литургики в Московской Духовной академии, живший на Преображенской площади и посещавший находившийся там храм, рассказал моему отцу, что в этом храме служит Рязанский епископ Алексей (Сергеев), и есть нужда в помощи во время богослужения. И я некоторое время ему прислуживал: меня облачали в стихарь, и я держал архиерейский чиновник во время Литургии и всегда с радостью и благоговением исполнял все, что мне поручал старший иподьякон.

Все это было во время войны в течение 1941 года. В Москве тогда были бомбежки, голод и холод. Мы с отцом, когда объявлялась воздушная тревога, бежали в метро и ночевали на рельсах. В квартире не было отопления, и нам приходилось ночевать у друзей, где было хоть немного теплее. А ввиду голода некоторую помощь в питании нам оказывал епископ Алексей (Сергеев) и моя крестная — Ольга Алексеевна со своей сестрой.

Центральная музыкальная школа эвакуировалась в Пензу, и я продолжал учение в музыкальном училище при консерватории.

В это время мой дедушка, Владимир Иосифович Спасский, профессор глазных болезней, живший в то время в Уфе, настоятельно вызвал меня жить к себе. И весь

1942 год, когда мне было 14 лет, я учился в уфимской общеобразовательной школе, а также в музыкальном училище.

Все время своего пребывания в Уфе я прислуживал в качестве иподьякона у архиепископа Уфимского Стефана (Проценко), вернувшегося из ссылки и назначенного на уфимскую кафедру. А когда в 1943 году Центральная музыкальная школа возвратилась в Москву, мне пришлось вернуться и продолжить занятия с восьмого класса.

В этой школе у детей была большая нагрузка: общеобразовательные и музыкальные предметы. И хотя я много и усердно трудился, занимаясь на скрипке, меня всегда с большой силой тянуло в храм Божий не только молиться, но и активно действовать в храме, прислуживая в нем.

И вот однажды я направился в Богоявленский, что в Елохове, собор, чтобы узнать о возможности моего участия в архиерейских богослужениях. В то время в соборе служил известнейший иерарх Русской Православной Церкви, митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич), который каждую субботу по окончании всенощной проводил с прихожанами, сидя на амвоне, замечательные беседы о богослужении. Так как у митрополита Николая уже был свой штат иподьяконов, в моей помощи нужды не было. Но я продолжал каждую субботу бывать в соборе, чтобы слушать беседы владыки Николая.

Вскоре из Ленинграда в Москву прибыл митрополит Ленинградский Алексей (Симанский) и стал служить в Богоявленском соборе. Когда однажды я шел в собор, уже недалеко от него около меня остановилась черная машина, в которой ехал митрополит Алексей. Увидев меня, он остановил машину и пригласил меня сесть в нее. Затем он попросил меня ему помогать: провожать его по окончании богослужения до гостиницы “Москва”, где он тогда останавливался. Я брал футляр с его клобуком, и мы с ним шли пешком до станции метро “Красносельская”, доезжали до Охотного ряда, и я доводил его до номера гостиницы и уходил домой. Это было в 1943 году: шел третий год Великой Отечественной войны.

В это время было принято решение о восстановлении патриаршества. Ожидали возвращения из Ульяновска Патриаршего Местоблюстителя — митрополита Сергия (Страгородского). Тогда ему было 77 лет, а выглядел он старше; даже передвигался с трудом.

Я участвовал во встрече владыки Сергия, уже возведенного в сан Патриарха, когда он прибыл в Богоявленский собор совершать свою первую в патриаршем сане Литургию. В дальнейшем Патриарх Сергий совершал службы в разных храмах Москвы.

В мои обязанности входило заезжать в Патриархию за чемоданом и облачением и отвозить его в тот храм, где должен был служить Святейший. По окончании Литургии — отвозить его обратно в Патриархию. А во время Литургии я был книгодержцем, то есть держал архиерейский чиновник и раскрывал его перед Патриархом для чтения молитв.

Всеми иподьяконами у Патриарха распоряжался его келейник — архимандрит Иоанн (Разумов), будущий митрополит Псковский. Он всегда сопровождал Патриарха на все богослужения. Узнав, что я учусь музыке в Центральной музыкальной школе, он просил меня иногда приходить по вечерам в Патриархию и на фисгармонии играть Патриарху любимые им церковные песнопения. Особенно любил патриарх Сергий слушать *Тебе одеющагося* Турчанинова. А когда слышал он его грустную Херувимскую (на *Да молчит*), то шутливо говорил: “Что же, хоронить меня собрались”. Отец Иоанн каждый раз ставил мне ноты церковных песнопений, и я их

играл. А Патриарх стоял рядом, облокотившись на край фисгармонии, и внимательно слушал. И это исполнение доставляло ему радость и отдохновение. Обращался ко мне Святейший так: “Ну, раб Божий...”.

Святейшего Сергия за глаза называли дедушкой. От него исходила удивительная доброта и душевное тепло. В глазах светился незаурядный ум. Чувствовалось, что он — великий и мудрый старец.

Весть о его внезапной кончине была для меня тяжелым ударом, и я долго испытывал скорбь большой утраты. Я ведь постоянно общался с ним в течение всего его патриаршего служения. Мне было тогда 14–15 лет.

После кончины Патриарха Сергия из-за большой учебной нагрузки в старших классах Центральной музыкальной школы я уже не мог так часто прислуживать у Патриаршего Местоблюстителя, а потом — Патриарха Алексия (Симанского). Но я всегда стремился продолжать деятельно участвовать в патриаршем богослужении.

В 1945 году митрополит Алексей был возведен в сан Патриарха. Чин интронизации происходил в храме Воскресения в Сокольниках. Туда съезжались иностранные иерархи: восточные Патриархи и заместитель Вселенского Патриарха — митрополит фиатирский Германос. Каждому из них полагалась торжественная встреча, начинавшаяся пением краткой молитвы — *От восток солнца*. Патриарший регент, Виктор Степанович Комаров, попросил меня написать музыку к этому песнопению, чтобы при встрече столь многих иерархов не повторять одни и те же песнопения.

Я присутствовал и на этой торжественной церемонии, и на банкете в ресторане “Метрополь”, где произносились поздравительные речи. Начиналось патриаршее служение Патриарха Алексия.

В это время мне было уже 17 лет, и я учился в десятом, последнем классе Центральной музыкальной школы и готовился к поступлению в Консерваторию. Поэтому на патриарших богослужениях я не мог бывать так часто, как раньше. Но когда я бывал в соборе, то наблюдал и сопереживал служение Патриарха Алексия в алтаре. Его манера служения была чрезвычайно проста, но при этом истова. При произнесении возгласов — строгая псалмодия и никакой форсировки голоса, никакой внешней экзальтации и манерности.

Патриарх Алексей был аристократ, представитель высшего дворянства; его отец был камергером двора Его Величества. Святейший был чрезвычайно аккуратен и в высшей степени чистоплотен. От него всегда веяло свежестью и исходил аромат хороших духов. Его одеяния — подрясники, рясы, а также священные облачения на нем не старились, а были всегда как новые. Небрежного обращения с ними он не переносил. В людях и особенно священнослужителях ценил опрятность — большое значение придавал их внешнему виду.

Как-то я пришел ранним утром в Патриархию и стал терпеливо ждать выхода Святейшего у двери его апартаментов. А когда он вышел, я скромно, но с любовью попросил разрешения его “приласкать”. И он ласково и просто дал себя поцеловать.

Однажды к моим именинам он подарил мне замечательную гипсовую статую “Моцарт, играющий на скрипке”; она свято хранится и стоит на рояле у нашей внучки-пианистки.

Когда Святейший не служил в храме, я бывал в его патриаршей Крестовой церкви в Чистом переулке. Здесь за вечерним богослужением, которое совершал “придворный” священник, Патриарх сам читал канон, а мне поручалось читать шестопсалмие и

первый час. За Литургией мне приходилось читать часы и Апостола. Пением руководил бывший регент Владимирского собора в Ленинграде Лев Николаевич Парийский, так что пели мы обычно втроем — Святейший, Лев Николаевич и я. Лев Николаевич очень тепло ко мне относился и давал мне наставления, как надо гармонизовать церковные мелодии, и показывал свои собственные переложения.

Однажды летом, в сильную жару, я пришел в храм в тенниске и в таком виде читал Апостола. После службы Святейший сделал мне выговор: «Что это ты сегодня в таком “дэзабилье”? Ты бы еще в трусиках стал читать Апостола».

После Литургии меня обычно приглашали к завтраку, за которым, как правило, присутствовали управделами Патриархии, настоятель Патриаршего собора протопресвитер Николай Колчицкий, завхоз Патриархии Михаил Филаретович Русаков, Лев Николаевич Парийский и иногда сестра Патриарха Анна Владимировна Погожева, жена покойного церковного писателя Поселянина (таков был его литературный псевдоним). За столом Святейший любил делать кому-то разнос, кого-то распекать или высмеивать дурные манеры кого-либо из священнослужителей. Так, например, он показывал, как некий иерей чесал за ухом своим наперсным крестом. Возмущался состоянием Духовной академии в те дни: «Что это за Академия! Сами себе понадавали звания профессоров, доцентов. Вот, например, Савинский. Кто и когда давал ему звание профессора? Никто и никогда. А еще подписывается — “профессор Савинский”». Но, пожалуй, главным объектом постоянного “распекания” был завхоз Патриархии Михаил Федорович Русаков. Святейший, как правило, был всегда им недоволен.

Патриарх всегда был строг и требователен к церковному благолепию: не переносил дешевых безвкусных украшений, искусственных цветов, электрических лампадок.

Большое место в его высказываниях занимало церковное пение: он стремился прививать в регентах вкус к простой, истинно церковной музыке, исключаяющей всякую вычурность и подражание оперным ариям и романсам. С этой целью он распорядился, чтобы в Патриаршем соборе за богослужением исполнялся в основном только распев Киево-Печерской Лавры, особенно им любимый.

Ввиду большой нагрузки в Консерватории я уже не мог участвовать в патриарших богослужениях, но любовь к церковной службе у меня осталась на всю мою жизнь.

Когда в 1958 году у меня созрело желание посвятить свою жизнь Церкви, я обратился к Святейшему Алексию с просьбой о рукоположении. Святейший удивился и спросил: “Откуда у тебя явилась такая мысль?”. И я ответил о своем желании активно участвовать в богослужении. Тогда Патриарх благословил меня и сказал: “Мы припишем тебя к собору, и будешь служить”. И 3 июня 1958 года он рукоположил меня в сан диакона в Богоявленском соборе.